

РЕПЕРТУАР И РЕЖИССУРА — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Когда разговор заходит о плохой посещаемости театров, некоторые театральные зеваки начинают искать оправдательные причины: город становится нетеатральным, зритель — неподготовленным, телевидение и кино мешают, пресса плохо пропагандирует и т. д. Во всем этом есть доля правды, но истину все же в другом. В том, что усилия театров по-разному направлены не в ту сторону. Ведь настоящий театр, который тебя внутренне обогащает, помогает познавать людей, жизнь, находит на размышления, заставляет переживать, волноваться — такой театр ничем не заменишь!

Преимуществом театра является живое взаимодействие актера со зрителем, их соптвречество. Но все ли делает актер, чтобы, встречаясь со зрителем, заражать его страстью, интеллигентностью своего искусства? Нет ли тенденции к скучному, ленингересованному повторению роли, которая прокручивается десятки раз, как избитый мотив шарманки? Может ли общение с «потухшим» актером стать праздником для тех, кто пришел в театр. В этом отношении я целиком согласен с замечкой Л. Руцовой «Приятно без аплодисментов». Но вопрос нужно ставить, по-моему, шире.

Русский драматический театр имени С. Вургана стал терять зрителя примерно с сезона 1959—1960 г. В эти последние два сезона театр поставил ряд неплохих пьес: «Барабанщица» А. Салымского, «Дамоклов меч» Назиля Хикмета, из классического репертуара — «Чайку» А. П. Чехова и «Живой труп» Л. Н. Толстого. Зарубежная драматургия была представлена пьесами: «Остров Афродиты» Алексиса Пиринса, «Живой портрет» Моретто. Были и поэмы — «Взрыв» Дворецкого, «Иркутская история» Арбузова, «Окей» — Штейна и др. Эти пьесы, насыщенные большими мыслями, хорошими идеями, по-разному говорят о чем-то нужном и полезном.

Но разве отражают наше кипучее сегодняшнюю жизнь, раскрывают цельные, могучие характеры наших современников такие спектакли, как «Весенние скрипки», «Такая любовь», «Верю в тебя», «Любовь, директор и квартира», «И один в поле воин» и ряд других? Конечно, нет! Их единственная цель — водевильными или детективными приемами привлечь зрителей в театр.

Вспомнишь многие спектакли — и, невольно кажется, что все они очень похожи друг на друга. Один мой сокурсник, посмотрев спектакль «Верю в тебя», заявил: лучше в кино бы сходил — и дешевле, и удовольствия больше! Театр не привлек его, а наоборот разочаровал, и таких, как он, сотни.

Чтобы спектакль увлекал и доставлял наслаждение, он должен быть художественно завершенным. Почему, например, «Иркутская история» Арбузова, так быстро сошла у нас со сцены? А ведь это лучшая пьеса советской драматургии. Да потому, что спектакль, в общем, как будто и не плохой, имел уйму недоделок, с которыми сам театр привык мириться, а зритель мириться не хочет. Неправильное понимание роли хора, неумение найти для него верный образ в спектакле «Иркутская история» вызывали в зрительном зале смех, неудовольствие.

Главная героня спектакля — Валька — в исполнении артистки Гинзбург мне напомнила не русскую девушку, которая работала на стройке — в магазине или в складе, а скорее француженку из

окрестностей Парижа. Уж слишком она театральна. Деталь? Да, деталь, но из таких деталей строятся характеры, создается спектакль.

Слишком часто еще приходится видеть на сцене произведения с явными следами художественной незавершенности, сделанных наспех. Такие спектакли, как говорится, «смотрятся», отдельные сцены запоминаются, а приглядываясь — и увидишь грубые швы, фальшив и неестественность, которые разбивают впечатление, а порой просто разражают! Вот и получается, как с моим сослуживцем: посмотреть спектакль — посмотрит, а полюбить — не полюбит.

Малохудожественный спектаклем оказался и «Взрыв» Дворецкого. Печать отмечала его положительно, но зритель точнее сказал свое слово — спектакль прошел всего десять — двенадцать раз и был снят.

Нарушают художественную цельность спектакля и «скоропоставленные» вводы. Так было со спектаклем «Барабанщица». Получился он живым, эмоциональным, интересным — в этом заслуга режиссера-постановщика Г. Гильзахмедовой-Мартыновой. Шел он почти ежедневно по 27—28 раз в месяц. За два — три месяца в нем было сделано чуть ли не десять вводов (!). А что можно ожидать от актера, который вошел в спектакль с одной — двух репетиций? Можно ли тут говорить об искусстве? Нет — это ремесло!

Недоумение вызвала и показанная вслед за «Барабанщицей»

пьеса «И один в поле воин» Дольи-Михайлова. Для чего обратился театр к этой малохудожественной пьесе — легковесному, дешевому детективу? Видимо, рассчитывал на ее «кассовость»? Но, спекуляруя на популярном взвинченном, театр думает не о интересах зрителя, а в первую очередь о себе. Зачем же тогда обижаться на публику, которая, посмотрев подобную пьесу, потеряла доверие к театру? В то же время в репертуаре театра почти нет русской классики, шедевров мировой драматургии.

Своим репертуаром, в подчас и качеством спектаклей театр не отвечает требованиям сегодняшнего дня, тому высокому общественному назначению, которое придает театру наша Коммунистическая партия.

Бакинский зритель любит театральное искусство, тяготеет к нему. Яркое свидетельство этому — привоз в наш город гастролеры спектакли, которые проходят иллюзии. Не зрителя надо видеть, если в какие-то моменты начинают пустовать театральные залы. Театр должен сделать все, чтобы стать необходимым зрителю, стать частью его интеллигентской жизни. А для этого он должен быть строгим и высокотехническим — изысканным в своем себе.

З. АЛИЕВА,
студентка АГУ.